

Благодарный Гете, со свойственной ему интеллигентностью и отзывчивостью, не мог обойти вниманием своего советчика по восточной культуре. Поэтому неудивительно, что в «Статьях и примечаниях к лучшему разумению «Западно-восточного дивана» Гете отвел ему особую страницу под названием «Фон Диц». Здесь Гете некоторыми меткими штрихами дает полное представление о личности и деятельности своего единомышленника. Мы, в свою очередь, сделаем попытку проанализировать посредством статьи о Фон Дице переводы, включенные Гете в «Западно – восточный диван».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гете И.В. Западно – восточный диван. М.: Наука, 1988.
2. Гянджеви Низами Сокровищница гайн. – Б., 1983.
3. Книга отца нашего Коркута. – Б.: Язычы, 1989.
4. Эккерман И.П. Разговоры с Гете. М.: Наука, 1988.

Е.А. Огнева (Белгород)

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСКАЖЕНИЯ ЭТНОКОГНИТИВНЫХ ПАРАМЕТРОВ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

(о том, как кисель спас Белгород,
но не достался героям Ф. Достоевского)

Перспективным направлением современных лингвокогнитивных исследований является определение роли художественного текста в системе речевых реализаций концепта, где под текстом понимается «объединённая смысловой связью последовательность языковых знаков» [2, 4]. Концептуальный смысл в художественном тексте передается системой словесных и ситуативных репрезентантов и оппозиций, формируя концептуальную структуру языка, тогда как пропозициональная структура текста строится на основе отражения объективного мира и субъективного мыслительного представления о нем в языке [ср.: 6; 11], в котором объективируются ментальные признаки народного сознания. Важным аспектом исследований проблемы языкового воплощения ментальности народа является разграничение концептов на общекультурные (универсальные), отражающие общечеловеческие ценности сквозь призму этноязыкового сознания, и этнокультурные (уникальные) концепты [см. подробнее: 1, 67]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «эпицентром ментальности являются этнокультурные константы, которые как и архетипы, спонтанно всплывают в индивидуальном сознании» [1, 61].

Художественное произведение представляет собой совокупность художественных общекультурных и этнокультурных концептов, составляющих концептосферу текста. Исследование концептосферы художественного текста направлено на: а) изучение репрезентации концептов в произведении, б) выделение типов их соотношения с языковыми феноменами, в) выявление принципов трансляции на структурно иные языки. Известно, что восприятие читателями художественных концептов, созданных писателем, удаленным от читателей во времени и пространстве, представляет собой вариант их нового порождения [3],

которое условно назовем «первичное новое порождение художественного концепта». Восприятие и трансляцию художественных концептов переводчиком условно назовем «вторичное новое порождение художественного концепта», а восприятие читателями художественных концептов переводного текста условно назовем «третичное новое порождение художественного концепта» [9, 58].

Коммуникативное пространство текста, организованное на основе системы проекций и доминант, определяет возможности и направления его интерпретации одним или несколькими интерпретаторами [ср.: 12, 23-27; 13, 47]. Интерпретация как когнитивный процесс установления смысла текста в рамках многомерного пространства текстов, находящихся в отношениях взаимозависимости, дает возможность во многих случаях объяснить, почему окружающая человека реальная действительность отразилась в тексте определенным образом [см. подробнее: 5].

В статье представляется интересным рассмотреть параметры номинативного поля субконцепта *угощение*, вербализованного в произведении Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», и сопоставить его с транслированный вариантом на английском языке с целью определения границ интерпретации художественного образа традиционного русского угощения. Подчеркнём тот факт, что исследуемый субконцепт *угощение* входит в состав концепта *гостеприимство* как одного из компонентов этнокогнитивной составляющей концептосферы многих художественных произведений русской классики [7, 55-63] и современности. Рассмотрение этнокогнитивного пространства художественных произведений русской классики как фиксированного варианта вербализации индивидуально-авторских концептов лингвокультурологической сокровищницы русского народа направлено на установление допустимой степени переводческих трансформаций, не искажающих этнокогнитивную ауру текстов. Например, исследуем описание угощения в следующем контексте: *Они вступили в столовую <...>, главную роскошь в эту минуту, естественно, составлял роскошно сервированный стол, хотя, впрочем, и тут говоря относительно: скатерть была чистая, посуда блестящая; превосходно выпеченный хлеб трех сортов, две бутылки вина, две бутылки великолепного монастырского меду и большой стеклянный кувшин с монастырским квасом, слившимся в околотке. Водки не было вовсе. Ракитин повествовал потом, что обед приготовлен был на этот раз из пяти блюд: была уха со стерлядью и с пирожками с рыбой; затем разварная рыба, как-то отменно и особенно приготовленная; затем котлеты из красной рыбы, мороженое и компот и, наконец, киселек вроде бланманже* [14, 63].

В тексте перевода на английский язык читаем следующий вариант интерпретации исследуемого художественного образа: *he entered the Father Superior's dining-room <...> the most sumptuous thing in the room at the moment was, of course, the beautifully decorated table. The cloth was clean, the service shone; there were three kinds of well-baked bread, two bottles of wine, two of excellent mead, and a large glass jug of kvas — both the latter made in the monastery, and famous in the neighbourhood. There was no vodka. Rakitin related afterwards that there were five dishes: fish-soup made of sterlets, served with little fish patties; then boiled fish served in a special way; then salmon cutlets, ice pudding and compote, and finally,*

blanc-mange [15, 135].

Номинативное поле исследуемого субконцепта *угощение* репрезентируется глуттоническими номинациями гастрономического дискурса, который «лично ориентирован и представляет собой знаковую систему, лингвосомиотическое пространство которой организовано в соответствии с такими параметрами, как специфические знаки национальной культуры и самоидентификации этноса, социальные и гендерные характеристики» [4, 13]. Важным компонентом гастрономического дискурса является *хронотоп* – единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение культурного, художественного смысла, где *хронос* – совокупность *хронем*, создающих временные рамки гастрономического дискурса, а *топос* – совокупность топонем, создающих пространственные рамки гастрономического дискурса. Прежде всего, отметим, что *хронема* – лексема *обед*, номинирующая приём пищи, традиционно соотнесённый с определенным временем, при переводе была нивелирована, ср: *Ракитин повествовал потом, что обед приготовлен был на этот раз из пяти блюд* → *Rakitin related afterwards that there were five dishes*; тогда как *хронема в эту минуту* переведена симметрично. Топонема *столовая* переведена симметрично *dining-room*, топонемы *монастырский, околоток* адаптированы также симметрично (подробно: далее в тексте статьи).

Рассматриваемый субконцепт *угощение*, репрезентированный в вышеуказанном контексте, состоит из трёх концептов-элементов: концепт-элемент *стол*, концепт-элемент *еда*, концепт-элемент *напитки*.

Концепт-элемент *стол* вербализован следующими односоставными номинантами: *скатерть была чистая, посуда блестящая*. Под односоставным номинантом понимается языковая структура, состоящая из ядра и одного или нескольких компонентов (зависимых слов), характеризующих какой-либо один параметр: пространственный, временной, качественный, количественный и т.д. Например, в номинанте *убранство комнат не отличалось особым комфортом* ядром является словосочетание *убранство комнат*, а параметром качества – словосочетание *не отличалось особым комфортом*. Под многосоставным номинантом подразумевается языковая структура, состоящая из ядра и нескольких зависимых слов/словосочетаний, характеризующих два и более параметра (пространственные, временные, качественные, количественные и т.д.) (см. подробнее: 10).

Когнитивно-сопоставительный анализ материала выявил следующее: ядро номинативного поля концепта-элемента *стол*, односоставный номинант-1 *роскошно сервированный стол*, переведен асимметрично *the beautifully decorated table*, где утрачен важный параметр – лексема *роскошно*, характеризующая широту русской гостеприимной души. Лексема *роскошно* имеет эквивалент в английском языке *luxuriously*, а употреблённое в структуре номинанта слово *beautifully* (*прекрасно*) нейтрально и не передаёт англоязычному читателю смысл, заложенный Ф. Достоевским в исследуемый нами контекст. Номинант-2 *скатерть была чистая* адаптирован симметрично на английский язык как в плане содержания, так и в плане выражения: *the cloth was clean*. Номинант-3 *посуда блестящая* переведён асимметрично *the service shone*, так как лексема *the*

service (сервировка) неэквивалентна лексеме *посуда*. Переводчиком также осуществлена транспозиция грамматической категории лексемы *блестящая* → *shone*, что в случае искажения ядра номинанта уже не столь значимо для установления степени адекватности номинанта его инварианту.

Концепт-элемент *еда* репрезентирован следующими номинантами: *превосходно выпеченный хлеб трех сортов, уха со стерлядью, пирожки с рыбой, разварная рыба, котлеты из красной рыбы, мороженое*. Когнитивно-сопоставительный анализ показал, что двусоставный номинант-1 *превосходно выпеченный хлеб трех сортов* переведён симметрично в плане содержания *there were three kinds of well-baked bread* и асимметрично в плане выражения, т.к. изменён порядок слов в словосочетании. Номинант-2 *уха со стерлядью* также переведён симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения *fish-soup made of sterlets*, где изменена грамматическая категория числа лексемы *стерлядь* → *sterlets*. Номинант-3 *пирожки с рыбой* переведён асимметрично *little fish patties* (*маленькие рыбные пирожки*), т.к. вставка лексемы *little* изменяет статус номинанта с односоставного на двусоставный, где помимо параметра качества, репрезентированного лексемой *рыбные*, появляется параметр размера, вербализованный лексемой *little*. Также в структуре рассматриваемого номинанта выявлена морфолого-аналитическая транспозиция части речи, которая привела к изменению синтаксической функции имени существительного *рыба* в рассматриваемом предложении: т.е. в тексте оригинала – это дополнение, а в структуре переведённого номинанта – определение. Двусоставный номинант-4 *разварная рыба, как-то отменно и особенно приготовленная* переведён асимметрично *boiled fish served in a special way*, т.к. параметр качества *отменно и особенно приготовленная* частично изменён – лексема *отменно* нивелирована. Номинант-5 *котлеты из красной рыбы* переведён асимметрично *salmon cutlets*, так как осуществлена родо-видовая замена понятия *красная рыба* → *salmon*. Номинант-6 *мороженое (ice cream)* переведен асимметрично *ice pudding*, вследствие чего в английском описании блюд на столе появилось новое блюдо.

Таким образом, из 6 номинантов номинативного поля концепта-элемента *еда* только два переведены симметрично в плане содержания и ни один – в плане выражения.

Концепт-элемент *напитки* репрезентирован номинантами: две бутылки вина, две бутылки великолепного монастырского меду, большой стеклянный кувшин с монастырским квасом, славившимся в околотке, водки не было, компот, киселек. Когнитивно-сопоставительный анализ показал, что двусоставный номинант-1 *две бутылки вина* переведён симметрично *two bottles of wine*. Двусоставный номинант-2 *две бутылки великолепного монастырского меду* переведён асимметрично в плане выражения *two (bottles) of excellent mead*, т.к. лексема *монастырский* – топоним глуттонического дискурса – выведена из структуры номинанта и употреблена далее по контексту в обобщающем ко второму и третьему номинантам словосочетании *both the latter made in the monastery*. Четырёхсоставный номинант-3 *большой стеклянный кувшин с монастырским квасом, славившимся в околотке* переведён симметрично в плане содержания и

асимметрично – в плане выражения *a large glass jug of kvas – <...> made in the monastery, and famous in the neighbourhood*, где выявлена транспозиция части речи *монастырский* → *the monastery*. Культурема *квас* транслитерирована → *kvas*, культурема-топоним *околоток* переведена лексемой *neighbourhood*. Номинант-4 *водки не было* переведён симметрично в плане содержания и асимметрично – в плане *выражения there was no vodka*. Номинант-5 *компот* переведён симметрично *compote*. Номинант-6 *киселек вроде бланманже* переведён асимметрично *blanc-mange*, где сохранено заимствованное как в русский, так и в английский языки наименование блюда *бланманже* – желе из сливок или миндального молока, но лексема *киселек* нивелирована, что искажает этнокогнитивный компонент рассматриваемого номинанта, а в переведённом тексте на столе одним угощением становится меньше. Подчеркнём тот факт, что название кисель – исконно русское, номинирующее деревенское блюдо, первоначально приготовляемое из овса, а позднее – из фруктов, ягод, картофельного крахмала.

В древнейшей русской летописи «Повесть временных лет», составленной Нестором Летописцем, есть история о том, как кисель спас город: «В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду. Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. Долго длилась осада, в городе начался сильный голод. Собралось народное вече, и решили горожане: лучше сдаться печенегам, чем всем умирать с голода. Был же один старец, который сказал городским старейшинам: “Не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю”. И велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. На следующий же день повелел он послать за печенегами, и сказали им люди: “Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами”. И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: “Не поверят нам князи наши, если не отведают сами”. Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Вернувшись, поведали печенеги своим князьям, все что было, те сняли осаду и пошли от города восвояся» [см. подробнее: 8].

Итак, в результате перевода из 6 номинантов номинативного поля концепта-элемента *напитки* план содержания 5 номинантов передан симметрично, план выражения трёх номинантов также симметричен оригиналу. Отобразим полученные результаты адаптации номинативных полей концепта-элемента *еда* и концепта-элемента *напитки* в следующей таблице, где приняты следующие условные сокращения: **Sm** – симметричная передача плана содержания номинанта при переводе, **Sf** – симметричная передача плана выражения номинанта при переводе, **Am** – асимметричная передача плана содержания номинанта при переводе, **Af** – асимметричная передача плана выражения номинанта при переводе.

Результат адаптации номинативных полей концепта-элемента *еда* и концепта-элемента *напитки* к восприятию англоговорящими читателями

Номинанты к.-элемента <i>еда</i>							Номинанты к.-элемента <i>напитки</i>					
N-1	N-2	N-3	N-3	N-4	N-5	N-6	N-1	N-2	N-3	N-4	N-5	N-6
Sm	Sm	Am	Am	Am	Am	Am	Sm	Sm	Sm	Sm	Sm	Am
Af	Af	Af	Af	Af	Af	Af	Sf	Af	Af	Sf	Sf	Af

Данные, приведённые в таблице, наглядно иллюстрируют степень адаптации концепта-элемента *еда* и концепта-элемента *напитки*, входящих в состав субконцепта *угощение*, который имеет ярко выраженную этносоставляющую, трансформированную при переводе исследованного нами контекста. Как показывают результаты когнитивно-сопоставительного анализа материала вторичное новое порождение этноконцептуальных компонентов концептосферы художественного текста трансформирует этнокогнитивную картину традиционного бытия русского народа, отображённую Ф.М. Достоевским на страницах произведения «Братья Карамазовы», преимущественно не вследствие межкультурной лакунарности этнокомпонентов текста, а в соответствии с параметрами индивидуально-авторской концептосферы переводчика, что приводит к созданию образа русского гостеприимства, отличающегося от реального. Следовательно, в сознании англоговорящего читателя произведения Ф. Достоевского в процессе третичного порождения этноконцептов формируется искажённое представление о русском народе, о его гостеприимстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Текст – дискурс – язык / Н.Ф. Алефиренко / Русская филология. Украинский Вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2007. – № 2-3 (33). – С. 3-7.
3. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Земскова А.Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Земскова. – Волгоград, 2009. 23с.
5. Карпухина, В.Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста (на материале стихотворений Р. Киллинга и их переводов на русский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Карпухина. – Барнаул, 2001. – 24 с.
6. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
7. Моисеева, С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: Монография / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева, 2-е изд. – М.: ИРИС ГРУПП, 2010. – 202 с.
8. Нестор Летописец. Повесть временных лет [электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/nestor-letopisec/poves1_134.htm
9. Огнева, Е.А. Проблемы кросскультурной адаптации концептосферы // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 57-67.
10. Огнева, Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе (в печат.).

11. Проскуряков, М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация / М.Р. Проскуряков: Автореф. ... д-ра филол. наук. – СПбГУ, 2000. – 38 с.
12. Родионов, А.А. Перевод и методы его исследования в свете общей теории систем / А.А. Родионов // Проблемы типологической, функциональной и описательной лингвистики. – М.: Международные отношения, 1986. – С. 23-27.
13. Сулимов, В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации / В.А. Сулимов // Филол. науки. – №1, 2006. – С. 40-47.

Список источников примеров

14. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – М.: Наука. – 892 с.
15. Dostoevsky, F. The Brothers Karamazov / F. Dostoevsky. – London: Wordsworth Editions, 2001. – 912 p.

А.С. Ольховская (Харьков)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕДАЧЕ ИМПЛИКАТУР ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ С ЛИСТА С УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Развитие международного сотрудничества создает спрос на качественный перевод, особенно устный, который необходим при проведении разнообразных мероприятий, таких как переговоры, конференции и др.. Именно поэтому ключевую роль в сфере современного профессионального образования играют специальности, связанные с изучением перевода. Цель обучения будущих переводчиков – формирование переводческой компетенции, особенно профессионально-технической, одним из важных сегментов которой являются навыки передачи импликатур (особенно определенности / неопределенности) при переводе с украинского языка на английский.

Основная форма выражения категории определенности / неопределенности в английском языке – артикли. Качество перевода существенно снижается, когда переводчик недостаточно владеет навыками передачи импликатур определенности / неопределенности, что является типичной ситуацией, когда перевод на артиклевый английский язык осуществляет носитель безартиклевого украинского языка, где полностью отсутствуют специальные маркеры определенности / неопределенности типа артикля.

Несмотря на то, что проблема передачи импликатур определенности / неопределенности при осуществлении перевода в целом, и устного перевода в частности, носит чрезвычайно важный характер, ей не уделяли надлежащего внимания. Так, нам удалось найти только одну работу российской исследовательницы [5], посвященную одному из аспектов указанной проблемы, а именно определению типов соответствий между проявлениями скрытой категории определенности / неопределенности в русском языке и её грамматическими показателями (артиклями) в английском языке с целью поиска алгоритма осуществления грамматически адекватного перевода с безартиклевого языка на артиклевый в системах автоматического (машинного) перевода. Автор указывает, что